

Дед Коля

Как у всех детей, у нас тоже были бабушки и дед. Мамина мама – баба Аня – жила с нами. А папины родители – дед Коля и баба Тоня – жили в другой деревне. Они часто приезжали к нам в гости, когда мы были маленькими или учились в школе.

Как сейчас помню: привозили конфет «лампасеек» разноцветных. Мы и «лампасейкам» были рады, изобилия сладостей в те годы в магазинах не было, особенно в деревне. А однажды мне привезли платье – бирюзовое, с коротким рукавчиком, отрезное по талии, на груди аппликация в виде открытой книги. Красивое! Я надела его и ходила воображала. Сестра завидовала мне:

– Воображуля!

Я училась в третьем классе. Дед говорил: – Тонюшка, будешь в школу ходить в нём. Меня он называл Тонюшкой. Я смеялась:

– Деда, ты что? У нас же школьная форма!

Дед шутил:

– А я и забыл. А тебе, Валюшка, в другой раз купим, – успокаивал Валю.

Дед Коля был фронтовиком. Участвовал в боевых действиях в Великую Отечественную, бил фашистов. Мы любили, когда он рассказывал про войну. Садись кружком: я, сестра и средний брат и слушали, открыв рты, как заворожённые. Рассказывал дед про то, как немецкие самолёты бомбили поезд, шедший на запад с советскими солдатами; много молодых безусых солдатиков так и не доехали до фронта. Про то, как мёрзли в окопах, ползли по-пластунски по холодной, мокрой и грязной земле; как отступали, какими глазами смотрели на них женщины оставленных сёл... этого никогда не забыть. Как шли в атаку под бомбёжками, как было страшно, но приказ «Вперёд!» отгонял страх и прибавлял силы. Дедушка считал, что те, кто говорят: «На войне не страшно» – кривят душой; просто со временем привыкают к взрывам, вою снарядами, гулу немецких самолётов; появляется злость на тех, кто посягнул на НАШУ землю.

Мы слушали, а воображение наше рисовало, как рвутся снаряды, как командир кричит: «Вперёд! В атаку! Огонь!» Нам было страшно, но надо бежать вперёд! Кругом взрывы, комья земли летят, раненые, кровь, земля уходит из-под ног...

Подходил папа, говорил деду:

– Да не пугай ты их, отец.

– Ничего, пусть слушают.

А мы хором:

– Деда Коля, рассказывай, рассказывай дальше!

А дальше мы снова бежали с автоматами наперевес, под огнём, стреляли, фрицы падали, мы кричали: «Ура-а!» И сколько раз дед приезжал к нам в гости, столько раз мы просили его рассказать о войне. И всегда слушали с интересом, как в первый раз, затаив дыхание.

А однажды он показал нам свой живот... весь в шрамах, в буграх, как будто из лоскутов собран почти до самой спины. Мы сначала испугались:

– Деда, а почему у тебя такой страшный живот?!

Дед рассказал нам такую историю. Дело было зимой 1943 года. Шёл бой за какой-то населённый пункт. В моей детской памяти название его не сохранилось. Дед вместе со своей ротой шёл в атаку под обстрелом. Вдруг рядом разорвался снаряд. Осколками оторвало подол тулупа и изранило весь живот. Он помнил, как, не чувствуя боли, по снегу полз вперёд. Рассказывал нам, как кишки вывалились из живота и тянулись по снегу. Дед придерживал их левой рукой, пытался впихнуть обратно и полз, полз...

У нас перехватывало дыхание от услышанного, сердце то замирало, то бешено стучало. Пока дед рассказывал, мы сидели с широко открытыми глазами, не смея вымолвить слова. Сколько по времени он полз – не знает. Потерял сознание. Очнулся в медсанчасти. Потом долго лежал в госпитале. Кишки вернули на место, живот сшили, как могли. Куски кожи брали с ног и вшивали в живот, поэтому он весь в лоскутах. Врачи сказали: «Родился в "рубашке", если бы не тулуп – не быть тебе живым».

Когда дед закончил свой рассказ, мы дали волю своим чувствам. Плакали от жалости к деду, от страха за него. Рассматривали его живот и засыпали вопросами:

– Деда, а почему тебе не больно было?!

– Некогда было думать про боль, надо было воевать.

– А как кишки по снегу тянулись?! Они же замёрзнут?!

– Хорошо, что по снегу, а не по земле.

И мы представляли своим детским воображением раненого деда и кишки на снегу.

Нас это поражало до глубины души!

– Как же так?! Ты же мог умереть!

– Живучий.

– Как можно без кишечков?!

ПОДЛЁДНОЕ ЧУДОВИЩЕ

– Ну они же не совсем выпали, не потерялись.

– А их осколками снаряда не разорвало?

– Да слава Богу, целы остались.

– А почему тебе не делали перевязку санитары?

– Я там не один был раненый, санитаров не хватало.

– А тебе не страшно было, когда живот зашивали?

– Мне уже ничего не было страшно.

– Ой, деда! Покажи ещё живот!

И снова мы рассматривали его изуродованный, бугристый живот. Трогали пальчиками шрамы:

– Не больно?

– Давно ничего не больно.

А наш маленький брат Миша, когда ему было годика два, даже прыгал по животу. Дед лежал, кричал:

– Ой-ёй-ёй! Швы разойдутся!

Мы испуганно:

– Деда, правда? Тебе больно?

– Да я нарочно.

В следующий свой приезд дед снова показывал нам живот и рассказывал историю про него.

После госпиталя деда Колю комиссовали, на фронт он уже не вернулся. Кроме ранения в живот, была ещё и контузия. Дед немного заикался, и у него подрагивала нижняя губа. Мы иногда подсмеивались над этим втихушку. Вот дурачье...

А ещё деда Коля учил нас молитвам и креститься. Мы повторяли за ним, а самим было смешно, потому что наш папа был коммунистом, и в Бога мы никто в то время не верили. Только баба Аня верила, и у неё была иконка.

Тот населённый пункт наши войска освободили – дед ещё в госпитале узнал. За боевые заслуги наш дедушка, Мясников Николай Яковлевич, удостоен медалей. Из жизни он ушёл в 1996 году в возрасте 89 лет. Вечная ему память.

Начало ноября. Снег выпал и растаял. На голую землю ударили морозы, градусов пятнадцать, а может, больше. Холодно, неприятно, хочется белого снега. Через три дня снег выпал, но землю прикрыл едва-едва, словно инеем.

Захотелось мне прогуляться до озера. Ещё издали я увидела, что берег весь белый. Подойдя поближе, была приятно удивлена: вся трава на берегу, высокий репейник и низенькие кустики были в плотном ледяном инее – в куржаке, как в хрустале. Видимо, от озера шло испарение, и тут же капельки на морозе превращались в льдинки. Трава была сказочно красива, словно в ледяном царстве. Я наклонялась ниже и любовалась этим творением природы. Казалось, каждая льдинка позванивала, как множество мельчайших колокольчиков. Я представляла себя миниатюрной принцессой, танцующей в ледяном сказочном зале под мелодичный звон колокольчикового оркестра: динь-дилень, динь-дилень...

Вдруг мои мечтания нарушил громкий звук со стороны озера: бух-бух-бух! Я подошла ближе. «Буханье» из-под льда раздавалось то с одной, то с другой стороны, то посередине, да так громко, что мне стало жутковато.

– Бух-бух-бух, вву-у-у – ещё и подвывание какое-то.

Что это? Кто там? Акулы в озере не водятся. Если подо льдом бобры, то они не могут так громко биться об лёд. А может, это подлёдное чудовище?! Как лохнесское... «Буханье», хруст и подвывание продолжались. Я стояла на берегу, и моё воображение рисовало такую картину: лёд вздыбился, разорвался, и из озера вырвалось чудовище с громким рычанием. Но лёд не рвался... Я подошла ближе и встала на широкие деревянные мостки, на которых лежала вверх дном лодка. Вдруг прямо под мостками и рядом загудело. От неожиданности я даже

подпрыгнула и ойкнула, быстро выскочила на берег.

– Что это такое?! Что за звуки? Кто там, подо льдом?

Мне было страшно и любопытно. Я вновь встала на мостки. Молчок. Потопала по льду, лёд крепкий. И снова эти ужасные звуки! Казалось, сейчас мостки оторвутся ото льда и поднимутся вместе со мной. Но они вмёрзли накрепко. Я встала на лёд, переборов свой страх, потопала, покричала. «Чудище» вернулось и снова «зарычало» почти у меня под ногами.

– Да что же это?! – вскрикнула я.

Неизвестность меня волновала и пугала больше всего: как я встаю на мостки, так ОНО тут как тут.

Я ещё долго стояла на берегу, слушала гудение из-подо льда: то там, то здесь. Замёрзли ноги – пришлось идти домой. Дома с жаром рассказала о «чудище» подлёдном. Мне сначала не поверили, думали – выдумываю.

– Да какие шутки?! Сходите – проверьте!

Брат съехидничал:

– Тебе померещилось.

– Иди послушай! Как тебе будет мерещиться?

Может, и сходил бы, но уже стемнело, стало ещё страшней.

Я долго не могла заснуть от избытка эмоций; а тут ещё за окнами полночи выл ветер и что-то стучало. По комнате шуршали тени. Я с головой зарылась в одеяло и лежала чуть дыша. Уснула как-то незаметно, сон сморил. Снилось мне «подлёдное чудовище». Я вздрагивала и вскрикивала во сне, отбиваясь от кого-то. Мама спрятала мои руки под одеяло, прошептала:

– Спи, Тоня, всё хорошо.

Утром глянула в окно, а там белым-бело! Наконец-то выпал долгожданный снег! Укрыл всю землю белым покрывалом сантиметров на десять, наполнил воздух свежим дыханием. И ни мороза, ни ветра. Отправились мы по снежку на озеро. А куда же подевалась сказочная ледяная красота

с травы? Всё было в снегу, без куржака. Наверное, его сбил ночной ветер или снег. Озеро тоже было в снегу. Сколько мы ни стояли на берегу, «буханья» и гудения из-подо льда мы так и не услышали. Папа объяснил это так: вчера был мороз – озеро сковывало льдом, он трещал, какие-то колебания воды и воздуха были подо льдом, поэтому гудело. А сегодня тепло, озеро покрыто слоем снега, и всё прекратилось. Другого объяснения этому явлению у нас не было.

ПРОДЕЛКИ КОШКИ ПУШИ

ГЛУПЫЙ ПОСТУПОК

Живёт наша кошка Пуша, ни забот, ни хлопот не зная. Этим летом она уже не охотилась на балконе за птицами, потому что створку я закрыла сеткой. Но однажды в начале лета с ней всё же произошёл забавный случай.

Голуби, как обычно, летали мимо балкона на крышу. Пуша сидела на подоконнике и следила глазами за птицами. Взгляд её был расчётливым. Огромные зелёные глаза с поперечными щёлочками зрачков и весь облик говорили:

– Сейчас прыгну – долетаетесь!

Я сидела на балконе, читала. Не успела глазом моргнуть, как кошка стремительно прыгнула с подоконника на открытую створку, на которой была сетка. Стукнулась головой о сетку, отскочила на пол и застыла в недоумении, искоса поглядывая на меня. Я не ожидала от неё такого глупого поступка:

– Ты что, Пуша, совсем не соображаешь?

Кошечка отвернулась и демонстративно удалилась с балкона в комнату.

«НЕВИНОВАТАЯ Я...»

Интересные существа – кошки. И наша Пуша – то сама ласковость, то не знаешь, чего от неё ожидать. Иногда такое вытворит!

Как-то раз пришёл к нам в гости знакомый. Доброжелательный мужчина, Пушу не обижал, а даже погладил по голове, хотя она отстранилась. Пока мы на кухне пили чай, кошечка наша «познала» его туфлю. Когда гость собрался уходить, туфля была мокрая... Я была в гневе!

Пуша сидела в углу комнаты и смотрела немигающими настороженными глазами в ожидании неминуемого наказания. «Знает кошка, чьё мясо съела!» Чем ей не приглянулся гость – непонятно. Увидев в моих руках тапок, кошка гневно зафыркала. Тапком ей всё же попало.

Разобиделась... У меня уже гнев прошёл, зову Пушу есть. А она вдруг начала тщательно мыться, вылизывая и выкусывая каждый пальчик, каждый коготок на лапках, не обращая на меня никакого внимания. Делала вид, что не видит и не слышит меня. Полный игнор!

– Ишь ты, фифа какая! Напрокудила, ещё и обиделась. Пушнина, иди есть!

Пуша окинула меня таким взглядом, как будто говорила:

– Отстань!

– Ладно, есть захочешь – придёшь.

Пошла, а сама хвостом по полу метёт, как метлой, быстро-быстро! Всегда так делает, когда недовольна.

А бывает, за какую-то провинность ругаю Пушу, а она голову поднимет и начинает смотреть на потолок, будто говорит:

– Невиноватая я!

Головой вертит вокруг своей оси, как локатором, и внимательнейшим образом рассматривает потолок – он у нас глянцевый, – чуть приоткрыв рот и высунув кончик языка. Такая смешная! Ну как на неё сердиться?

– Что ты, Пушенька, там увидела? Себя проказницу?

А Пуша заваливается на спину, лапки складывает и невинными глазками смотрит на меня:

– Мяу, лежачего не бьют!

ГОВОРЯЩАЯ КОШКА

Любит наша кошечка рыбу. Мясом не корми – дай рыбки! Муж мой был заядлым рыбаком, поэтому Пуша питалась рыбой круглый год. Досыта! Привыкла рыбная душа. Рыбака не стало. А страсть к рыбе осталась. Теперь приходится покупать её на рынке. Как только Пуша учует рыбный запах, начинает бегать по кухне, прыгать с табуретки на пол туда-сюда и требовательно кричать на весь дом!

– Пуша, уймись!

Пока я варю рыбу, Пуша униматься не собирается, требует на своём кошачьем языке:

– Мяу, мяу, дай рыбки!

– Пуша, скажи «мама». Ма-ма.

– Мяу, мяу!

– Нет, Пуша – «мама». Ма-ма. Рыбки хочешь? Ма-ма.

Кошечке так сильно хочется рыбки, что она после нескольких моих просьб начинает говорить:

– Мям, мям....

– Молодец, Пушенька! Ма-ма, ма-ма.

– Мам, мам!

– Вот умничка! Заработала рыбку!

Пока мы учились говорить «мама», рыба сварилась и остыла. Кошечка наелась, благодарно потёрлась о мои ноги своей изящной мордочкой и, довольная и умиротворённая, отправилась на свою лежанку. Вы не верите в говорящую кошку? Приходите – проверьте. Только не забудьте прихватить с собой свежей рыбки.

НЕДОСКОК

Сидим мы с Пушей на кухне. Я ем суп с мясом, а Пуша стоит рядом, выпрашивает, хотя её я уже накормила. А мяска так хочется ещё! Сложила передние лапки мне на колени и просяще смотрит в глаза. Молча смотрит, а глазки говорят:

– Ну, дай ещё мя-я-яска!

Как тут не дать? Выпросила и, счастливая, села на тёплое от солнца пятно на полу, метрах в полутора от подоконника. Сидит, посматривает на окно – там голуби летают. И вдруг... один голубь сел на карниз окна и начал стучать клювом по стеклу – тук-тук – известие хорошее принёс. Моя Пуша с горящими глазами с разгону, с полутора метров как скакнёт на подоконник, но получилась недолёт... или недоскок.... Передние лапки сорвались с края подоконника, и Пуша брякнулась на пол. Со стороны это так смешно выглядело!

– Ну ты даёшь, Пушнина! Всё в какие-то переделки попадаешь из-за голубей.

Пуша опустила глаза, отвернулась – стыдно...

СЕНОКОС

В деревне в середине июля начинается страдная пора – сенокос. Для сельских жителей это очень серьёзное дело, целая эпопея. Мы косили сено на лугу вблизи леса и возле озера Чебаклы. На лугах – зелёный ковёр душистого разнотравья, у озера трава густая, сочная: осока с примесью клевера, очень хороший корм для нашей коровы и лошади. Молоко у коровки на языке, как в деревне говорят: как покормили, так и подоили, от такой травы оно жирное, вкусное. Косили сено вручную косами, или литовками, как мы их называли, потому что ближе к озеру осока росла на кочках, косилкой не прокашивалась. Литовки готовили заранее: отбивали, точили, и нам с сестрой доверяли подтачивать по краям.

Когда травы поднимались, наливались соком, мы ехали на покос с утра пораньше, пока не сошла роса с травы, – она в росе лучше косится. Косили папа с мамой чаще вдвоём. Когда я училась в старших классах, брали с собой меня, сестру оставляли домовничать. Помню, как красиво и ладно шли родители с косами. Широко размахнувшись вправо, полукругом, вводили косу

влево, срезая траву под корень: ширк, ширк, ширк... Прокос получался широким. Работали в унисон, залюбуешься. Скошенная трава ложилась ровными рядами, за рядом ряд. Мне выделяли место для косьбы где-нибудь по углам луговины, чтобы не портила общую картину. Поначалу получалось плохо, литовка то впивалась в землю, то шла по макушкам травы. Я обливалась потом, чуть не плача, старалась, так мне хотелось косить красиво, как мама и папа. А когда стало получаться, не могла нарадоваться, гордость так и распирала меня.

Трава в рядах должна была подсохнуть. Вот тут-то мы просили небеса, чтобы не было дождя. Не намоченное дождём сено мягкое, душистое, запах манящий, ни с чем не сравнимый. Хочется валяться на нём и втягивать ноздрями его аромат. Переворачивать подсохшее сено и сгребать в валки мы приезжали всей семьёй, часов в одиннадцать, когда сойдёт роса. Запрягали свою лошадку Глашу, брали еду, чай, квас в глиняной крынке, деревянные грабли, садились все в телегу и, счастливые, ехали на покос. Работали дружно, весело, с шутками-прибаутками, радовались хорошей погоде. Вот только омрачали нашу радость овода: садились молча, кусались больно, ещё и волдыри оставались.

Больше половины сена в валках – можно и пообедать. Мы расстилали покрывало, раскладывали на него еду, садились кружком. Как нам нравились эти совместные с родителями посиделки на природе, за трапезой! Мы были счастливы, казалось, любили весь мир! Поработали вместе хорошо, хорошо и пообедали. Аппетит нагуляли отменный. А какой вкусный квасок! В глиняной крынке он оставался прохладным, хорошо утолял жажду. После обеда мама с папой отдыхали, а мы бегали по лугу, играли в догонялки с визгом и смехом. Снимали обувь и носились босиком. Стерня от скошенной травы колола ноги. Мы подпрыгивали и говорили друг другу:

– Привыкай! Выработывай характер!

Набегавшись, снова принимались за работу.

Когда в валках сено высыхало, его надо было складывать в копны, а потом возить эти копны в стога. Гребли все вместе в маленькие копёшки, потом папа с мамой вилами стаскивали их в большие, а мы подгребали. Работали на совесть, пот застилал глаза, а мы старались не отставать от родителей и друг перед другом в грязь лицом не ударить. Мама нам часто повторяла пословицу: «Дело делать нужно не наспех, а с умом, чтобы не жалеть потом».

Копны сложили. А вот теперь начиналось самое интересное! Их на лошади нужно было свозить в одно место и складывать в стога. Сена было накошено на два или три стога. Папа распрягал лошадь, оставлял только хомут, оглобли и узду. Волокушу с копной каким-то образом привязывали к оглоблям, а управлять лошастью доверяли мне. Я садилась на неё верхом, чуть дыша от гордости и восторга. Я – пятнадцатилетняя девчонка – вожу копны на лошади, как взрослая!

– Но-о! Давай, милая Глафира, поехали!

Глаша слушалась меня: безропотно шла по стерне, по кочкам, прядая ушами, отгоняя оводов, волочила за собой копны. Её большие карие глаза с продолговатыми зрачками и длинными ресницами излучали доброту и понимание.

Вид у меня был, видимо, очень деловой. Я замечала, как папа маме подмигивал и шептал:

– Посмотри на Антона – довольнѐхонькая!

Брат с сестрой мне завидовали:

– Ой, деловуха какая!

– Дай покататься!

Я в ответ:

– Я не катаюсь, а работаю. Подрастите сначала.

Овода кусали, а я не обращала внимания, слишком ответственное дело у меня было.

Пока я возила, а папа прицеплял копны к волокуше, мама тем временем начинала метать первый стог. Вилами захватывала большую охапку сена и клала в основание стога на волокушу – это срубленная берѐза, за которую зимой цепляли стог и на тракторе везли домой. Потом к маме присоединялись мы с папой, брат с сестрой подгребали за нами. Когда стог был метра полтора высотой, мама взбиралась на него, принимала сено, которое подавал папа, и укладывала его так, как надо. Стога нужно вершить с умом, чтобы сено не промокло глубоко в случае дождя. Один сметали, второй...

Зной. Ни ветерка, никакого движения в воздухе. Над головой – бездонная голубень небеса. Солнце щедро дарит своё тепло, парит. Пот льёт ручьями, травинки липнут к телу, щекочут. Очень трудоѐмкое дело – метать стога. Последний стог идёт к завершению.

И вдруг среди ясного неба послышались отдалѐнные раскаты грома, как протяжный рык зверя. Заходили серые кучевые облака, похожие на огромные горы. Ласточки начали летать низко и криком возвещать, что быть дождю. Родители заволновались:

– Вот только дождя сейчас не хватало – стог ещё не завершѐн.

Тревога родителей передалась и нам. Мы начали работать вдвое быстрее, было уже не до шуток. Если промокнет незавершѐнный стог, верхнее сено нужно будет раскидывать и сушить заново, иначе оно будет серое и прелое. Работали быстро, искоса поглядывая на запад, откуда двигалась чѐрная грозовая туча. Мама приняла последний навильник сена, потопталась наверху, чтобы уплотнить стог, и радостно с выдохом воскликнула:

– Всѐ! Успели!

Папа перекинул через стог верѐвку, держа её за один конец. Мама с другой стороны спустилась по верѐвке вниз. Иногда мы тоже забирались по ней наверх и топтали сено вместе, подпрыгивая и падая на спину...

Но сейчас было не до баловства. Стог со всех сторон «почесали» граблями, подбили это сено под стог. Всё, работа завершена! Радости нашей не было предела! В это самое время пошёл проливной тёплый июльский дождь. Он как будто ждал нас. Мы подставляли дождю лицо, руки, грудь, прыгали, кричали! И ничего, что промокли

до нитки – дождь смывал с нас пот, прилипшие к телу травинки, усталость. Как внезапно начался, так и закончился. И снова на небе солнце; воздух напоен свежестью, запахом травы, чистотой. На душе радость и умиротворение.

Запрягли свою Глашу и, счастливые, поехали домой. Сенокосная страда окончена.